

ГРАЖДАНЕ, ПОДХОДИТЕ К РЕПРОДУКТОРАМ, чтобы узнать важные новости! На кухне, на службе, на заводе – где бы вы ни были, сделайте звук приемника громче!

Местные новости: «Наш Великий Руководитель Ким Чен Ир подсказал инженерам, как им углубить русло реки Тэдонган. Пока наш Дорогой Руководитель давал наставления экскаваторщикам, над его головой вдруг появилось множество голубей, укрывших нашего Уважаемого Генерала в прохладной тени в такой жаркий день. Сообщаем также о предложении министра госбезопасности: сейчас, когда сезон охоты на голубей в самом разгаре, он предлагает спрятать проволочные силки и ловушки с приманкой от наших младших товарищей. И не забудьте, граждане: запрет на созерцание звезд все еще в силе.

Далее мы откроем вам рецепт, победивший в кулинарном соревновании в этом месяце. Из сотни присланных рецептов лишь один будет назван лучшим – рецепт супа из тыквенной кожуры! Но сначала – печальные новости с Восточного моря, где американские агрессоры намереваются разжечь полномасштабную войну, задержав и обыскав северокорейское рыбацкое судно. И снова янки вторглись в корейские воды, чтобы похитить драгоценный груз с государственного корабля, при этом обвиняя нас во всем – в пиратстве, похищении людей и даже в жестоком отношении к акулам. Во-первых, именно американцы и их ставленники пиратствуют на море. Во-вторых, разве не американская женщина недавно совершила кругосветное плавание, чтобы сбежать в нашу великую страну – рай для рабочих, где граждане ни в чем не нуждаются? Одного этого достаточно, чтобы доказать нелепость этих бесконечных обвинений в похищении людей.

А жестокое отношение к акулам? Это обвинение нельзя оставить без ответа. Акулы, будучи друзьями рыбаков, с давних времен благоволят корейскому народу. В 1592 году разве акулы не снабжали моряков адмирала Йи во время осады в бухте Окпо? Разве акулы не выработали в себе вещества, помогающие в борьбе с раком, что-

бы продлить жизнь своих друзей – людей? Разве наш Командир Га, обладатель Золотого пояса, не пьет успокоительный бульон из акульных плавников перед каждой победой в тхэквондо? И, граждане, разве вы не видели собственными глазами фильм «Истинная дочь народа» здесь, в кинотеатре «Моранбонг», в Пхеньяне? Конечно, вы помните сцену, когда наша народная актриса Сан Мун упала в воду, в порту Инчхон, пытаясь предотвратить тайное нападение американцев. Мы все с замиранием сердца смотрели, как акулы окружили ее, беспомощную, в волнах. Но разве акулы не учуяли корейскую скромность и покорность Сан Мун? Разве они, откликнувшись на ее горячий патриотизм, не подняли героиню на плавниках и не вынесли ее на берег, чтобы она вступила в разгоревшуюся битву и помогла отбросить империалистических захватчиков?

Это убедительно доказывает, граждане, что слухи, витающие вокруг Пхеньяна, о размолвке между Командиром Га и Сан Мун – ничем не обоснованы! Так же, как вторжение на наши ни в чем не повинные рыбацкие суда иностранных сил, так же, как обвинения в похищениях людей, выдвинутые против нас Японией. Неужели японцы думают, что мы забыли, как *они сами* похитили наших мужей и превратили их в рабов, а жен сделали женщинами для утех? Разве может женщина любить своего мужа больше, чем Сан Мун? Разве вы, граждане, не видели, как Сан Мун надела Золотой пояс на своего мужа, зардевшись от любви к нему? Разве вы не собрались на площади Ким Ир Сена, чтобы увидеть это самим?

Чему вы поверите, граждане? Слухам и лжи или собственным глазам?

А теперь вернемся к нашей программе: вы услышите повтор блистательной речи Дорогого Вождя Ким Ир Сена от 15 апреля 71-го года Чучхе¹, а также выступление министра по закупкам, товарища Бука, о том, как продлить срок службы флуоресцентных лампочек. Но сначала сюрприз: с превеликим удовольствием сообщаем, что в Пхеньяне появилась новая оперная певица. Наш Великий Руководитель назвал ее Прелестной гостьей. И сейчас она споет для поднятия нашего патриотического духа арии из «Моря крови». Итак, возвращайтесь к рабочим станкам, граждане, и удвойте норму выработки, пока слушаете, как Прелестная гостья поет о величайшей стране в мире – Корейской Народно-Демократической Республике!

¹ С 8 июля 1997 года в Северной Корее принято новое «летоисчисление Чучхе», началом которого является 1912 год – год рождения Ким Ир Сена. – *Прим. пер.*

Часть первая

Биография Пак Чон До

МАТЬ ЧОН ДО БЫЛА ПЕВИЦЕЙ. Это единственное, что его отец, Повелитель сирот, рассказал о ней. Фотография этой женщины висела в кабинете Повелителя сирот в приюте «Завтрашний день». Она была прелестна – большие раскосые глаза, полу-раскрытые губы. Красивых женщин из провинции увозили в Пхеньян, так что наверняка именно это и произошло с его матерью. Доказательством был сам Повелитель сирот. По ночам он пил, и приютские мальчики слышали в своих бараках, как он плачет и стонет, горько жалуясь женщине на фотографии. И только Чон До разрешалось утешать его и забирать бутылку у него из рук.

Чон До, как самый старший мальчик в приюте, обязан был раздавать всем еду, распределять койки, давать имена новичкам по списку ста четырнадцати Великих Мучеников Революции. Однако Повелитель сирот старался не оказывать никакого предпочтения своему сыну, единственному мальчику в приюте, который не был сиротой. Если клетка для кроликов оказывалась грязной, именно Чон До запирали в ней на всю ночь. Если мальчики ночью писались, именно Чон До приходилось отскрести замерзшую мочу с пола. Чон До не хвастался перед ними, что он сын Повелителя сирот, а не какой-то там мальчишка, которого родители сбагрили сюда по дороге в лагерь «9–27»². Если подумать как следует, то догадаться несложно – Чон До появился в приюте первым, и его никогда не усыновляли, потому что отец не позволил бы отобрать своего единственного сына. И вполне понятно, что после отъезда его матери в Пхеньян отцу пришлось этим заняться, чтобы зарабатывать на жизнь и при этом присматривать за сыном.

То, что женщина на фото была матерью Чон До, неоспоримо доказывали изощренные наказания, которым Повелитель сирот нещадно подвергал своего сына. Это могло означать только од-

²В лагере «9-27» содержатся больные дети и дети-инвалиды. – Прим. пер.

но: в глазах Чон До он видел женщину с фотографии – каждоедневное напоминание о безграничной боли, которая поселилась в его сердце, когда он потерял ее. Только измученный отец мог отобрать у мальчика обувь зимой. Только настоящий отец мог согреть сына, плоть от плоти своей, раскаленной кочергой.

Время от времени какой-нибудь завод брал к себе нескольких мальчиков: весной люди с китайским акцентом приезжали их отбирать. Помимо этого, любой, кто был в состоянии прокормить мальчиков и подарить бутылочку Повелителю сирот, мог забрать их на день. Летом они грузили мешки с песком, а зимой, вооружившись железной арматурой, кололи глыбы льда в доках. За миску холодного *чапчхэ*³ они убирали лопатами маслянистые завитки металлической стружки, сыпавшейся с токарных станков. Хотя лучше всего их кормили на грузовой станции – острым супом *юкедьян*. Однажды, разгружая товарный вагон, они рассыпали порошок, похожий на соль. Не успели ребята опомниться, как у них покраснели руки, лица, даже зубы. Поезд перевозил химикаты для лакокрасочной фабрики. Несколько недель они так и ходили красными.

А затем, в 85 году Чучхе, начались наводнения. Три недели дождей, а репродукторы ни словом не обмолвились, что насыпи обваливаются, земляные плотины размываются, деревни сносит одну за другой. Армия пыталась спасти завод «Сунгри 58» от наводнения, поэтому мальчишкам из приюта «Завтрашний день» выдали веревки и длинные багры, чтобы вылавливать людей из реки Чхонджин, которых могло унести в порт. В воде было мессиво из деревянных обломков, нефтяных баков и экскрементов. Колесо от трактора бултыхалось в воде рядом с советским холодильником. Мальчишки слышали грохот товарных вагонов, обрушившихся в реку. Мимо пронесся тент военного грузовика, за него цеплялась целая семья, вопя от страха. Вдруг из воды вынырнула молодая женщина с раскрытым в безмолвном крике ртом. Один из сирот по имени Бо Сон зацепил багром ее руку и сам упал в воду и его унесло течением. Бо Сон попал в приют хрупким, болезненным мальчиком, и когда обнаружили, что он глухой, Чон До дал ему имя Юн Бо Сон, в честь 37-го Мученика Революции, который заткнул уши грязью, чтобы не слышать свиста пуль, когда бросился в атаку на японцев.

³ Чапчхэ – лапша с мясом и овощами, популярное корейское блюдо. — Прим. пер.

А мальчики все звали его: «Бо Сон, Бо Сон!», пока бежали по берегу к тому месту, где он упал. Они миновали дренажные коллекторы сталелитейного завода и илистую косу Рионгсона, но Бо Сон исчез. Мальчики остановились возле залива, его темные воды были усеяны трупами – тысячи людей, словно в агонии, бились о волны, словно комки липкого пшена, которые подскакивают на раскаленной сковороде.

Никто еще не знал, что впереди их ждал голод – сначала отключилось электричество, потом встали поезда. Когда умолкли заводские гудки, Чон До понял, что что-то неладно. Однажды рыбацкие суда вышли в море и не вернулись. С зимой пришла чума, и многие старики уснули навеки. Это был еще только первый голодный месяц, задолго до того, как люди стали грызть кору деревьев. Репродукторы называли голод «Трудным походом», но голос доносился из Пхеньяна. Чон До никогда не слышал, чтобы кто-то в Чхонджине называл это так. То, что происходило с ними, не нуждалось в названии – оно было везде, в каждом ногте, который они жевали и глотали, в каждом взгляде, каждый раз, когда они ходили в отхожее место и пытались выдавить из себя комки опилок. Когда надежды не осталось, Повелитель сирот сжег в печке кровати, чтобы согреть мальчишек в их последнюю ночь в приюте. Утром он остановил на дороге советский военный грузовик, прозванный «воронком» за черный брезентовый навес. Осталось всего двенадцать мальчиков, как раз поместятся в кузов «воронка». Все приютские в конце концов попадают в Армию. Так Чон До, которому исполнилось тогда четырнадцать лет, стал туннельным солдатом, обучаясь искусству сражаться в полной темноте.

Там, восемь лет спустя, его и нашел офицер Со. Старик лично спустился под землю, чтобы взглянуть на Чон До, который провел ночь со своими товарищами в туннеле, тянущемся на десять километров под демилитаризованной зоной, почти до окрестностей Сеула. Выходя из туннеля, они всегда шли задом наперед, чтобы глаза успели привыкнуть к свету, и Чон До чуть не столкнулся с офицером Со, чьи могучие плечи и широкая грудь говорили о том, что он достиг зрелости в благоприятное время, еще до движения Чхоллима⁴.

– Ты Пак Чон До? – спросил он.

⁴Чхоллима – аналог Стахановского движения. – *Прим. пер.*

Когда Чон До обернулся, свет обрамлял коротко остриженную седую голову человека, словно сияющий нимб. На лице кожа была темнее, чем на голове и подбородке, словно он только что сбрил бороду и густые взъерошенные волосы.

– Это я, – ответил Чон До.

– Это имя Мученика, – сказал офицер Со. – Ты что, из приюта? Чон До кивнул.

– Да, – произнес он. – Но я не сирота.

Взгляд офицера Со упал на красный значок тхэквондо на груди Чон До.

– Что ж, хорошо, – сказал он и бросил ему мешок.

Внутри оказались пара джинсов, желтая рубашка-поло и кроссовки «Найк»; Чон До видел их давным-давно, когда мальчишек из приюта пригнали в порт, чтобы приветствовать паромы с корейцами на борту, которых переманивали из Японии, обещая им работу в Партии и квартиры в Пхеньяне. Мальчишки размахивали плакатами и пели партийные гимны, пока японские корейцы спускались по трапу, не обращая внимания на ужасающее состояние порта Чхонджин и «воронок», поджидавший их, чтобы отвезти в исправительные лагеря *Кван-ли-со*. Словно это было вчера – он смотрел на тех счастливых мальчишек в новых кроссовках, вернувшихся на родину.

Чон До вытащил желтую рубашку.

– И что мне с этим делать? – спросил он.

– Это твоя новая форма, – ответил офицер Со. – Надеюсь, ты не страдаешь морской болезнью?

Он не страдал морской болезнью. Они доехали на поезде до восточного порта Чхолхван, где офицер Со реквизирует рыбацкое судно, чья команда была так напугана военными гостями, что не снимала значки с изображением Ким Ир Сена до самого побережья Японии. Пока они плыли, их сопровождали маленькие рыбки с крыльями и утренний туман, такой плотный, что заглушал слова. Здесь репродукторы не ревели весь день, а у всех рыбаков на груди были татуировки с изображением их жен. Он и не подозревал, что море такое неровное – его раскачивало из стороны в сторону так, что он не мог предугадать, куда его бро-

сит в следующее мгновение, но даже к этому можно привыкнуть. Ветер в снастях словно переговаривался с волнами, подталкивавшими судно, а звездными ночами гудел над рулевой рубкой, и Чон До казалось, что именно в таком месте можно закрыть глаза и наконец-то выдохнуть.

Помимо Чон До офицер Со взял с собой переводчика Джила. Джил читал японские романы на палубе и слушал небольшой плеер, надев наушники. Лишь однажды Чон До решился заговорить с Джилом и подошел спросить, что он слушает. Но прежде чем Чон До открыл рот, Джил выключил плеер и произнес слово «опера».

Они должны были забрать кого-то с берега и привезти с собой. Больше офицер Со ничего не сказал.

На второй день с наступлением ночи они увидели вдалеке огни города, но капитан не стал подходить ближе к берегу.

– Это Япония, – сказал он. – У меня нет разрешения входить в эти воды.

– Я скажу тебе, когда остановиться, – сказал капитану офицер Со, и они направились к берегу. Один из рыбаков прощупывал дно.

Чон До оделся, затянув ремень, чтобы джинсы не спадали.

– Вы сняли это с того парня, которого похитили в прошлый раз? – спросил Чон До.

– Я уже много лет никого не похищал, – ответил офицер Со. У Чон До свело скулы, и страх сковал его сердце.

– Успокойся, – сказал офицер Со. – Я проделывал это сотни раз.

– Правда?

– Если быть точным – двадцать семь раз.

Офицер Со взял с собой небольшую шлюпку и, когда они подошли к берегу, велел рыбакам спустить ее на воду. Солнце садилось над Северной Кореей, стало свежо, ветер изменил направление. Шлюпка показалась Чон До крошечной даже для одного человека, не говоря уже о троих, да еще с жертвой, которая будет сопротивляться. Вооружившись биноклем и термосом, офицер Со прыгнул в лодку. За ним последовал Джил. Когда Чон До занял место рядом с Джилом, лодка черпнула темную воду, которая сразу намочила его кроссовки. Он заворчал, признавшись, что не умеет плавать.

Джил заставлял Чон До зубрить японские фразы: «Добрый вечер – *Комбанва*. Извините, я потерялся – *Чотто сумимасэн*, мичи ни майоимасита. Не могли бы вы помочь мне найти мою кошку? – *Ватаси но неко га мауго ни наримасита?*».

Офицер Со смотрел на берег; он слишком сильно тянул за трос подвесного мотора – старой советской модели. Они повернули на север и приблизились к побережью, волны то прибывали лодку к берегу, то отбрасывали обратно в открытое море.

Джил взял бинокль, но вместо того чтобы навести его на берег, принялся рассматривать высокие здания – центр города за сверкал огнями.

– Говорю вам, – произнес Джил, – здесь не было никакого «Трудного похода».

Чон До и офицер Со переглянулись.

Офицер Со повернулся к Джилу:

– Скажи-ка ему еще раз, как по-японски «Как дела?».

– *Огэнки дэс ка*, – сказал Джил.

– *Огэнки дэс ка*, – повторил Чон До. – *Огэнки дэс ка*.

– Скажи так: «Как дела, товарищ? – *Огэнки дэс ка*», – произнес офицер Со. – Только не говори: «Как дела, сейчас я увезу тебя с этого гребаного берега».

Чон До спросил:

– Вот как вы это называете – «увезти»?

– Много лет назад именно так мы это и называли. – Он приторно улыбнулся. – Просто будь вежлив.

Чон До сказал:

– Почему вы не пошлете Джила? Он ведь говорит по-японски.

Офицер Со вновь взглянул на воду.

– Ты знаешь, почему ты здесь.

Джил спросил:

– И почему же он здесь?

– Потому что он умеет сражаться в темноте, – ответил офицер Со.

Джил обернулся к Чон До.

– Так вот чем ты занимаешься, это и есть твоя работа? – спросил он.

– Я руковожу группой проникновения, – ответил Чон До. – В основном мы патрулируем туннели в темноте, ну и сражаться иногда приходится, конечно.

– А я-то думал, что это у меня хреновая работа, – сказал Джил.

– А чем ты занимался? – спросил Чон До.

– Перед языковой школой? – уточнил Джил. – Наземными минами.

– Обезвреживал их?

– Если бы, – произнес Джил.

Они приблизились к берегу на расстояние нескольких сотен метров и поплыли вдоль побережья префектуры Кагосима. Чем больше угасал свет, тем затейливее становились его отблески на каждой волне, которая подталкивала их шлюпку.

Джил протянул руку:

– Вон там, – показал он. – Я вижу кого-то на берегу. Женщину.

Офицер Со заглушил мотор и взял бинокль. Он держал его неподвижно, настраивая, и его густые брови то поднимались, то опускались, пока он наводил фокус.

– Нет, – произнес он, возвращая бинокль Джилу. – Смотри внимательнее. Там две женщины. Они гуляют.

– Я думал, вы ищете парня? – сказал Чон До.

– Неважно, – произнес офицер Со. – Главное, чтобы человек был один.

– Как же так? Все равно, кого хватать?

Офицер Со не ответил. Некоторое время они не слышали ничего, кроме тарахтящего мотора. Затем офицер Со произнес:

– В мои времена у нас было целое отделение, с бюджетом. То есть был катер, транквилизирующий пистолет. Мы наблюдали, проникали, выбирали. Мы не трогали семейных и никогда не брали детей. Я заработал себе блестящую репутацию. А теперь – посмотрите на меня. Никого не осталось. Уверен, я единственный, кто еще помнит, как это делается.

Джил разглядывал что-то на берегу. Он протер линзы бинокля, хотя в такой темноте все равно ничего не разглядишь, и протянул бинокль Чон До.

– Что ты видишь? – спросил он.

Когда Чон До поднял бинокль к глазам, он еле разглядел мужчину, идущего по берегу, недалеко от воды, – пятно посветлее на темном фоне. Вдруг он заметил какое-то движение. Животное несло по берегу прямо к мужчине – видимо, собака, хотя и очень крупная, размером с волка. Мужчина сделал что-то, и собака убежала.

Чон До обернулся к офицеру Со.

– Там мужчина. Он с собакой.

Офицер Со выпрямился и положил руку на мотор.

– Он один?

Чон До кивнул.

– Это акита?

Чон До не разбирался в породах. Раз в неделю приютские мальчишки убирались в местном собачьем питомнике. Собаки – грязные животные, готовые броситься на тебя при малейшей возможности, сразу видно, в каких местах они обкусывали деревянные подпорки в своих клетках, разгрызая дерево клыками. Вот все, что Чон До знал о собаках.

– Пока она виляет хвостом, не о чем беспокоиться, – сказал офицер Со.

– Японцы учат своих собак разным трюкам. Скажи ей: «Хорошая собачка, сесть. *Еси, еси. Осувари кавай дэс нэ*», – добавил Джил.

– Да заткнись ты со своим японским, – огрызнулся Чон До.

Чон До хотел спросить, есть ли план, но офицер Со просто направил лодку к берегу. В Панмунджоме Чон До возглавлял туннельный отряд, и ему разрешались алкоголь и раз в неделю свидание с женщиной. А через три дня у него четвертьфинал по тхэквондо.

Раз в месяц отряд Чон До прочесывал все туннели под демилитаризованной зоной, они работали без света, пробегая многие километры в кромешной тьме, только красные фонари горели в конце туннеля, там, где надо было проверить все затворы и проволочные ограждения. Они работали так, словно в любой момент могли наткнуться на южнокорейцев, и ежедневно тренировались в рукопашном бое в темноте, кроме сезона дождей, когда в туннелях становилось слишком грязно, чтобы спускаться туда. Говорили, что у южнокорейских солдат есть американские приборы ночного видения. А у парней из отряда Чон До единственным оружием была тьма.

Когда волнение на море усилилось, и Чон До стало не по себе, он обернулся к Джилу:

– Так что за работа может быть хуже, чем обезвреживание мин?

– Отмечать их на карте, – сказал Джил.

– Миноискателем?

– Они бесполезны, – сказал Джил. – Американцы используют теперь пластиковые мины. Мы составили карты их вероятного нахождения, используя психологию и особенности местности. Там, где тропинки утопаны или приходится переступить через корни деревьев, вполне может находиться мина, и мы отмечаем ее на карте. Можно провести всю ночь на минном поле, рискуя жизнью на каждом шагу, и ради чего? К утру все мины на месте, и враг тоже.

Чон До знал, кому достается самая тяжелая работа – подземная разведка, подводные лодки на двенадцать человек, мины, биохимия – и вдруг он по-новому взглянул на Джила.

– Так значит – ты сирота, – сказал он.

Джил был удивлен.

– Вовсе нет. А ты?

– Нет, – ответил Чон До. – Я нет.

Отряд Чон До состоял из приютских, хотя сам Чон До не относился к ним. В его военном билете Корейской народной армии был указан адрес – приют «Завтрашний день», это и определило его судьбу. Ошибка, которую никто в Северной Корее не был в состоянии исправить. Он вырос среди сирот, понимал их особое положение и не питал к ним ненависти, как большинство людей. Просто он не был одним из них.

– А теперь ты переводчик? – спросил Джил Чон До.

– Когда долго работаешь на минном поле, – объяснил Джил, – получаешь вознаграждение. Тебя посылают в какое-нибудь тепленькое местечко – например, в языковую школу.

Офицер Со горько усмехнулся.

Белая пена прибоя захлестывала лодку.

– Знаешь, что погано? – продолжал Джил. – Идя по улице, я думаю: вот здесь я бы установил мину. А еще я никогда не наступаю на порог и не встаю перед унитазом. Я даже в парк не могу сходить.

– В парк? – спросил Чон До. Он никогда не бывал в парке.

– Хватит, – сказал офицер Со. – Пора найти для нашей языковой школы нового учителя японского.

Он заглушил мотор, и прибоя загрохотал, покачивая лодку на волнах.

Они видели силуэт мужчины на берегу, он наблюдал за ними, но они ничего не могли поделать, до берега оставалось мет-

ров двадцать. Когда Чон До почувствовал, что шлюпка вот-вот перевернется, он спрыгнул в воду, чтобы поддержать ее, и, хотя вода доходила ему только до пояса, волны захлестнули его с головой. Прилив протащил его по песчаному дну, прежде чем он вынырнул из воды, откашливаясь.

Человек на берегу не произнес ни слова. Почти стемнело, когда Чон До выбрался на сушу.

Он сделал глубокий вдох и смахнул воду с волос.

– *Комбанва*, – сказал он незнакомцу. – *Одэнки кэс да*.

– *Огэнки дэс ка*, – крикнул Джил из лодки.

– *Огэнки дэс ка*, – повторил Чон До.

Собака подбежала к ним с желтым мячиком в зубах.

Мужчина замер на мгновение. Затем попятился.

– Хватай его, – крикнул офицер Со.

Мужчина бросился бежать, Чон До погнался за ним в своих мокрых джинсах и кроссовках, облепленных песком. Собака, большая, белая, прыгала от возбуждения. Японец побежал по берегу и почти исчез в темноте, если бы не собака, которая носилась вокруг него. Чон До бежал изо всех сил. Он сосредоточился только на ногах впереди бегущего человека – мелькавших на песке в такт с ударами его сердца. Потом он закрыл глаза. В туннелях Чон До научился чувствовать людей, которых не мог видеть. Когда кто-то появлялся, он чувствовал это, и если ему удавалось подобраться поближе, он мог напасть на противника. Отец, Повелитель сирот, всегда внушал ему, что его мать мертва, но Чон До знал, что это неправда, она жива и здорова, но вне досягаемости. И хотя он ничего не знал о судьбе Повелителя сирот, Чон До чувствовал, что отец покинул этот мир. Для того чтобы сражаться в темноте, нужно то же самое: почувствовать противника и никогда не полагаться на воображение. Мрак в твоей голове заселяется баснями, которые нашептывает воображение и которые не имеют ничего общего с тем мраком, что окружает тебя на самом деле.

Впереди послышался глухой звук, словно кто-то упал в темноте; Чон До тысячи раз слышал этот звук. Он подбежал к мужчине, который торопился подняться на ноги. С испачканным в песке лицом он походил на призрака. Они оба задыхались от быстрого бега, и пар от их дыхания белым облаком выделялся в темноте.

На самом деле Чон До плохо выступал на соревнованиях. Когда ты сражаешься в темноте, твое местонахождение выдает противнику лишь твой удар. В темноте самое важное – это максимальное расстояние, позволяющее наносить сильные, ошеломляющие удары в голову и мощные удары ногой с разворота, которые требуют большого пространства и могут сходу вырубить противника. А в соревнованиях противник видит твои движения задолго до того, как ты нанесешь удар. Ему достаточно сделать шаг в сторону. Но как быть человеку на берегу, ночью, уставшему и напуганному? Чон До развернулся и ударил его ногой по голове; незнакомец рухнул.

Собака не унималась – от возбуждения или отчаяния. Она принялась скрести лапой возле хозяина, лежащего без сознания на песке, затем бросила мяч. Чон До хотел кинуть его, но не осмелился приблизиться к ее зубам. Он вдруг заметил, что собака больше не виляет хвостом. Что-то блеснуло в темноте – очки мужчины. Он надел их, и мутное свечение над дюнами превратилось в ясные очертания горящих окон. Оказалось, что японцы жили не в огромных домах-коробках, а в небольших зданиях.

Чон До спрятал очки в карман, затем взял мужчину за ноги и потащил его по песку. Собака рычала и злобно лаяла. Чон До обернулся через плечо и увидел, что она царапает мужчине лицо. Чон До опустил голову и потащил человека дальше. Первый день в туннеле несложно пережить, но когда просыпаешься на второй день, и сумрак сна сменяется настоящим мраком, вот тогда твои глаза должны открыться. Если не откроешь глаза, в голове возникнут самые нелепые образы, например будет казаться, что на тебя сзади нападает собака. А с открытыми глазами приходится мириться лишь с одним – с бессмысленностью своего существования.

Отыскав шлюпку в темноте, Чон До скинул в нее свой груз. Мужчина открыл глаза и огляделся, не понимая, что происходит.

– Что ты сделал с его лицом? – спросил Джил.

– Где ты был? – сказал Чон До. – Тяжелый попался.

– Я всего лишь переводчик, – ответил Джил.

Офицер Со похлопал Чон До по спине.

– Неплохо для сироты, – сказал он.

Чон До резко обернулся к нему.

– Я не сирота, черт подери, – возразил он. – Вы говорили, что делали это сотни раз. Но у нас нет никакого плана, я просто гнал-ся за первым встречным. Вы даже не вылезли из лодки.

– Надо было проверить, чего ты стоишь, – сказал офицер Со. – В следующий раз будем действовать с умом.

– Следующего раза не будет, – огрызнулся Чон До.

Джил и Чон До развернули лодку навстречу волнам. Они бо-ролись с приливом, пока офицер Со заводил мотор. Когда все четверо разместились в шлюпке и направились в открытое мо-ре, офицер Со сказал:

– Послушай, дальше будет легче. Не думай об этом. Я соврал, когда сказал, что похитил двадцать семь человек. Я никогда не считал. Просто забудь их, одного за другим. Хватаешь их руками, а потом мысленно отпускаешь. Это лучше, чем считать.

Даже сквозь шум мотора они слышали собаку на берегу. Они уплывали все дальше и дальше, но ее лай не утихал, и Чон До знал, что будет слышать его вечно.

Они остановились на базе Сонгун, недалеко от порта Кинджи. Ее окружали земляные бункеры зенитных ракет, и после захода солнца виднелись сигнальные огни пусковых установок, белею-щие в лунном свете. Так как они побывали в Японии, их держа-ли отдельно от остальных солдат Корейской народной армии. Их отвели в лазарет – небольшую комнату с шестью койками. О том, что здесь размещался лазарет, говорили отдельный ка-бинет с инструментами для забора крови и старый китайский холодильник с красным крестом на двери.

Японца заперли в одном из карцеров во дворе для строевой подготовки, и Джил отправился туда тренировать свой японский через дырку в двери. Чон До и офицер Со, прислонившись к окну лазарета, курили одну сигарету на двоих и наблюдали, как Джил, сидя в грязи, отшлифовывает идиомы с человеком, которого по-мог похитить. Офицер Со покачал головой, словно устал от этого зрелища. В лазарете был один пациент, щуплый солдатик лет шест-надцати, – кожа да кости после голода. Он лежал на койке и скреже-тал зубами. Из-за сигаретного дыма он кашлял. Они перенесли его койку в самый дальний угол комнаты, но он все равно не унимался.

Доктора не было. В лазарете держали больных солдат до тех пор, пока не убеждались в том, что они уже не поправятся. Если молодому солдату не станет лучше к утру, из него выкачают всю кровь для переливания. Чон До уже видел такое, и, как ему казалось, это лучший способ умереть. Всего несколько минут – сначала появляется сонливость, затем взгляд затуманивается, и даже если в конце человек начинает паниковать, это неважно, потому что говорить он уже не может, а перед тем как угаснуть, он кажется таким растерянным, словно сверчок, у которого оторвали усики.

Генератор в лагере отключили – постепенно свет потух, холодильники замолчали.

Офицер Со и Чон До легли на свои койки.

А японец? Он вывел собаку погулять. И исчез. Для людей, которые знали его, он исчез навсегда. Так же Чон До думал и о тех мальчишках, которых отбирали люди с китайским акцентом. Вот они здесь, а через минуту – их нет, они исчезли, как Бо Сон – растворились в неизвестности. Так он думал о большинстве людей, которые появляются в его жизни, как подкидыши, а потом исчезают, словно в бурном потоке. Но Бо Сон не исчез – либо он пошел на дно к рыбам, либо течение унесло его на север во Владивосток, он все же был где-то. И японец не исчез без следа – он в карцере, во дворе. И вдруг Чон До осенило, что его мать тоже где-то, в эту самую минуту, в какой-то квартире в столице, возможно, расчесывает свои волосы перед зеркалом, готовится ко сну.

Впервые за многие годы Чон До закрыл глаза и воскресил в памяти ее лицо. Опасно вот так грезить о людях – они могут оказаться в туннеле рядом с тобой. Это часто случалось, когда он вспоминал мальчишек из приюта. Один промах – и кто-то из них уже шел рядом темноте. Он говорил что-то, спрашивал, почему не ты погиб от холода, почему не ты свалился в цистерну с краской, и каждую секунду тебе чудилось, что вот сейчас ты получишь удар ногой в лицо.

И вот появилась его мать. Она лежала здесь, прислушиваясь к вздрагиваниям солдата, он слышал ее голос. Она пела «Ариран»⁵ почти шепотом, будто доносившимся из небытия. Черт подери, даже приютские знают, где их родители.

⁵ «Ариран» – популярная народная песня в Корее, включена ЮНЕСКО в Список всемирного нематериального наследия человечества. – *Прим. пер.*

Поздно ночью, спотыкаясь, вошел Джил. Он открыл холодильник, хотя это было запрещено, и положил что-то внутрь. Затем плюхнулся на свою койку. Джил спал, свесив с койки руки и ноги, и Чон До догадался, что в детстве у него была своя собственная кровать. Мгновенье спустя он уснул.

Чон До и офицер Со встали в темноте и подошли к холодильнику. Когда офицер Со потянул за ручку, на них пахнуло холодом. Возле стенки, за квадратными контейнерами с кровью, офицер Со нащупал наполовину пустую бутылку *соджу*⁶. Они быстро закрыли дверцу, потому что кровь предназначалась для отправки в Пхеньян, и если она испортится, им за всю жизнь не расплатиться.

Они отошли с бутылкой к окну. Где-то далеко лаяли собаки в своих вольерах. На горизонте, над зенитными бункерами, лунный свет, отражаясь от океана, мягко освещал небо. За их спиной Джил бормотал что-то во сне.

Офицер Со глотнул из бутылки.

– Сомневаюсь, что старина Джил привык к пшеничным лепешкам и супу из сорго.

– Откуда он взялся? – спросил Чон До.

– Забудь о нем, – ответил офицер Со. – Не знаю, зачем Пхеньяну понадобилось снова этим заниматься после стольких лет, но, надеюсь, мы избавимся от этого типа через неделю. Еще одно задание и, если все пройдет гладко, мы никогда больше его не увидим.

Сделав глоток, Чон До почувствовал жжение и резь в животе.

– Какое задание? – спросил он.

– Сначала еще одна тренировка, – сказал офицер Со. – Потом отправимся за особым объектом. Токийская опера проводит лето в Ниигата. Речь идет о сопрано. Ее зовут Румина.

Следующий глоток *соджу* пошел намного легче.

– Опера? – удивился Чон До.

Офицер Со пожал плечами.

– Наверное, какая-нибудь большая шишка из Пхеньяна услышала пиратскую запись и хочет заполнить ее.

– Джил говорил, что работал с наземными минами, – сказал Чон До. – И за это его отправили в языковую школу. Это правда? Действительно можно получить вознаграждение?

⁶ Соджу – корейская водка. – Прим. пер.

– Без Джила не обойтись, понимаешь? Но ты не слушай его. Слушай меня.

Чон До умолк.

– А что, ты хотел бы чего-то особенного? – спросил офицер Со. – Может, ты уже придумал, какое вознаграждение?

Чон До покачал головой.

– Тогда забудь об этом.

Офицер Со отошел в угол и присел над отхожим ведром. Прислонившись к стене, он долго напрягался. Ничего не получилось.

– В свое время я вытянул пару счастливых билетов, – сказал он. – Меня наградили. А теперь посмотри на меня. – Он покачал головой. – Вот самая большая награда для тебя: не становись таким, как я.

Чон До уставился на карцер.

– Что с ним будет?

– С тем парнем с собакой? – спросил офицер Со. – Скорее всего, за ним уже едут из Пхеньяна.

– Ясно, но все-таки что с ним будет?

Офицер Со сделал последнее усилие, чтобы облегчиться.

– Не задавай глупых вопросов, – процедил он сквозь зубы.

Чон До представил себе свою мать на поезде в Пхеньян.

– А в качестве награды можно попросить человека?

– Что, женщину? – поинтересовался офицер Со. – Да, это можно попросить.

Он вернулся и выпил почти все, оставив несколько капель на дне бутылки, которые вылил на губы умирающего солдата. Хлопнув мальчишку по груди на прощанье, он положил пустую бутылку ему под руку, мокрую от пота.

Они реквизировали новую лодку и еще раз вышли в море. Над Цусимским проливом послышались сильные щелчки, словно удары в грудь, – это кашалоты охотились внизу. Когда они приблизились к острову Дого, из моря внезапно выступили гранитные столпы, белые сверху из-за птичьего помета и оранжевые снизу из-за огромного скопления морских звезд. Чон До уставился на северный выступ острова, покрытый вулканическим

черным песком и поросший карликовыми елями. Это был мир, созданный ради себя самого, без идеи и смысла, земля, не посвященная ни одному великому лидеру.

На этом острове располагался популярный курорт, и офицер Со надеялся на то, что им удастся схватить одинокого туриста на пляже. Но когда они подплыли ближе, то увидели на воде черную надувную моторную лодку, в которой никого не было. Решив обследовать ее, они забрались в лодку. Офицер Со завел мотор и сразу заглушил его. Вытащив топливный бак из своей шлюпки, они погрузили ее в воду – шлюпку быстро затопило, тяжелый мотор утянул ее на дно.

– Теперь мы – настоящая команда, – сказал офицер Со, любясь новой лодкой.

И тут из воды показался ныряльщик.

Сняв маску с лица, он удивленно уставился на троих незнакомцев, сидевших в его лодке, но все же протянул им мешок с морскими ушками и схватился за руку Джила, забираясь на борт. Ныряльщик был крупным и мускулистым.

Офицер Со повернулся к Джилу:

– Скажи, что наша лодка дала течь и утонула.

Джил заговорил с ныряльщиком, который махнул рукой и засмеялся.

– Я знаю, ваша лодка, – перевел Джил, – чуть не стукнула меня по голове.

Вдруг ныряльщик, заметив рыболовное судно невдалеке, мотнул головой в ту сторону.

Джил хлопнул его по спине и что-то сказал. Ныряльщик пристально посмотрел ему в глаза – и тут он запаниковал.

Как оказалось, ныряльщики за морскими ушками носят на щиколотке особый нож, и Чон До понадобилось немало времени, чтобы усмирить противника. Наконец, Чон До обхватил ныряльщика за спину, скрутил его ногами и сдавил что было мочи.

Когда ныряльщик схватился за нож, Джил прыгнул за борт.

– Что ты сказал ему? – крикнул Чон До.

– Правду, – ответил Джил из воды.

Офицер Со получил довольно серьезную рану в предплечье. Он зажмурился от боли.

– Нужно еще потренироваться, – и больше ни слова.

Они заперли ныряльщика в трюме рыболовного судна, на котором прибыли сюда, и вновь направились к берегу в шлюпке. Неподалеку от города Фукура они притаились в своей лодке и стали ждать. Возле рыбацкого пирса Фукура располагался летний парк. Там висели яркие фонарики, и старики распевали песни под караоке на открытой сцене. Здесь, за линией прибоя, Чон До, Джил и офицер Со притаились, ожидая, когда погаснут неоновые огни аттракционов и смолкнет веселая музыка. Наконец в конце пирса появилась одинокая фигура. Заметив красный огонек сигареты, они решили, что это мужчина. Офицер Со завел мотор.

Они поплыли вдоль берега, словно прогуливаясь, и приблизились к возвышавшемуся над ними пирсу. Волны прибоя со всей силой обрушивались на его сваи, заливая пирс.

– Поговори с ним, – офицер Со повернулся к Джилу. – Скажи, что потерял щенка или что-то в этом роде. Подойди поближе. А потом толкни его через перила. Падать далеко, вода холодная. Когда он вынырнет, то постарается влезть в лодку.

Джил спрыгнул в воду, когда они подошли поближе.

– Понял, – сказал он. – Этот мой.

– Ну нет, – возразил офицер Со. – Вы пойдете оба.

– Да я серьезно, – убеждал Джил. – Справлюсь сам.

– Пошел, – приказал Чон До офицер Со. – И надень эти треклятые американские очки.

Вдвоем они преодолели волны прилива и выбрались на небольшую площадь. Тут стояли скамейки и закрытый чайный ларек. И не было ни одного памятника, поэтому было неясно, кому посвящалась эта площадь. На деревьях росли сливы – такие спелые, что кожица лопалась и сок тек по рукам. В это невозможно поверить. Какой-то оборванец спал на скамейке. Как это человек может спать там, где захочет?

Джил разглядывал дома вокруг площади. Они казались традиционными, с темными балками и черепичными крышами, но сразу видно, что новые.

– Хочу открыть все эти двери, – сказал он. – Посидеть в их креслах, послушать их музыку.

Чон До удивленно уставился на него.

– Ну, знаешь, – продолжал Джил, – просто посмотреть.

Туннели всегда заканчиваются лестницей, ведущей к кроличьей норе. Ребята из отряда Чон До соперничали за право выскользнуть наверх и побродить по Южной Корее. Они рассказывали о машинах, которые выдают деньги, и людях, которые подбирают экскременты за собаками и складывают их в пакетики. Чон До никогда туда не ходил. Он слышал, что там огромные телевизоры и столько риса, сколько не съесть и за всю жизнь. Но все же он не хотел ничего об этом знать: он боялся, что если увидит все это своими глазами, то его собственная жизнь потеряет смысл. Украсть репу у старика, ослепшего от голода, – ради чего? Послать вместо себя другого мальчишку, чтобы чистить цистерны на лакокрасочной фабрике, – ради чего?

Чон До выбросил недоеденную сливу.

– Я пробовал и лучше, – сказал он.

Они шли по дощатому пирсу, потемневшему от времени. Впереди, в конце пирса, они видели лицо, освещенное голубоватым свечением мобильного телефона.

– Просто скинь его вниз, – сказал Чон До.

Джил сделал глубокий вдох.

– Скинуть вниз, – повторил он.

На пирсе валялись пустые бутылки, окурки. Чон До спокойно шел впереди и чувствовал, что Джил старается подражать ему. Снизу доносилось хриплое клокотанье мотора. Человек впереди перестал разговаривать по телефону.

– *Дарэ?* – послышался голос. – *Дарэ нано?*

– Не отвечай, – шепнул Чон До.

– Это женский голос, – сказал Джил.

– Не отвечай, – повторил Чон До.

Капюшон пальто упал, открыв лицо молодой женщины.

– Я не гожусь для этого, – сказал Джил.

– Действуй по плану.

Их шаги казались неестественно громкими. Чон До подумал, что вот так же однажды кто-то пришел за его матерью, а теперь он один из них.

Потом они набросились на нее. Она была небольшого роста. Она открыла рот, словно хотела закричать, и Чон До увидел, как на ее зубах блеснули металлические брекеты. Они схватили ее за руки и затащили на перила.

– *Зензен оегэнайн дэсу,* – произнесла она.

Хотя Чон До не понимал японского, он знал, что это наивное, умоляющее признание, вроде: «Я девственница».

Они сбросили ее с перил. Она упала бесшумно, не проронив ни слова, даже не вздрогнув. Чон До заметил, как что-то блеснуло в ее глазах – не страх и не безразличие. Он понял, что она думает о родителях, которые никогда не узнают, что с ней стало.

Внизу раздался всплеск и послышался грохот мотора.

Чон До все еще видел этот взгляд.

На пирсе валялся ее телефон. Он поднял его и приложил к уху. Джил хотел было что-то сказать, но Чон До велел ему молчать.

– *Майюми*, – звал женский голос. – *Майюми*.

Чон До стал нажимать на кнопки, только бы телефон замолчал. Он свесился с перил, их лодка внизу качалась на волнах.

– Где она? – спросил Чон До.

Офицер Со разглядывал воду.

– Она утонула, – сказал он.

– Что значит – утонула?

– Она упала и исчезла, – развел руками офицер Со.

Чон До обернулся к Джилу.

– Что она сказала?

– Она сказала: «Я не умею плавать», – ответил Джил.

– «Я не умею плавать?», – переспросил Чон До. – Она сказала, что не умеет плавать, а ты не остановил меня?

– Скинуть ее с перил, таков был план. Ты велел действовать по плану.

Чон До снова вперил взгляд в темную воду, в этом месте, в конце пирса, было глубоко. Она там, внизу, ее большое пальто, словно парус, надулось в волнах, а тело перекачивается по песчаному дну.

Зазвонил телефон. Он засветился синим светом и завибрировал в руке Чон До. Они с Джилом уставились на него. Джил взял телефон и прислушался с широко открытыми глазами. Чон До слышал даже на расстоянии, что это женский голос, голос матери.

– Выбрось его, – приказал Чон До. – Просто кинь в воду.

Джил слушал. Рука у него дрожала. Он несколько раз кивнул головой. Когда он сказал «Хай», Чон До схватил телефон и стал с силой нажимать на кнопки. Вдруг на экране появилась фотография малыша. Он выбросил телефон в море.